

Содержание

Внутренняя критика источника	3
Внешняя критика источника	4
Оценка источника	14
Общий вывод и заключение	17

Внутренняя критика источника

Данная публикация называется «Советская экономика 1947-1991 гг. по аналитике ЦРУ». Это материал, наиболее интересные фрагменты которого публикуются, составляет главу II недавно вышедшей в США книга: "Наблюдение за медведем. Очерки аналитики ЦРУ по Советскому Союзу" (Под редакцией Дж. К. Хейнса и Р.Е. Леггета). В книгу вошли обобщенные очерки по шести ключевым аспектам государственно-аналитического изучения СССР, организованного в США с 1946-1947 гг. и выполнявшегося под эгидой ЦРУ.

Содержание очерков обсуждалось на специальной конференции, проведенной в Принстонском университете 9-10 марта 2001 г.

Информационной их базой послужили 900 документов ЦРУ, рассекреченных накануне конференции, а также свыше 2700 аналитических документов, открытых для исследователей и ученых ранее, до 2001 г. В конференции принимали участие ведущие американские советологи, включая З. Бжезинского и Дж. Мэтлока (бывшего посла США в СССР).

В главу II вошел очерк Дж. Норена, отставного старшего аналитика ЦРУ, посвященный организации и результатам аналитической работы ЦРУ, осуществлявшейся на протяжении 1947-1991 гг. и предназначенной для оценки состояния и перспектив экономики Советского Союза.

Отобранный для публикации материал представляет интерес по многим соображениям. Но два из них надо выделить особо. Во-первых, он показывает постановку службы государственной аналитики в США, методы ее работы, выборку целевых критериев, разработку соответствующих им алгоритмов сбора и обработки информации. Во-вторых, он подтверждает наличие относительно новой формы противостояния между развитыми державами, а именно - противостояния аналитического, которое представляет собой передний край современной "войны умов".

Внешняя критика источника

Анализируя данную статью, сегодня надо честно признать, что в те годы не советская экономическая наука, а западная советология стояла на научных позициях и давала адекватный анализ на значительно более высоком уровне, ставив реальные, а не заидеологизированные вопросы для исследования.

Так, сам термин «командная экономика», более точно отражающий суть советской экономики, впервые появился не у нас, а в США еще в 1963 г. Он был введен в употребление Г.Гроссманом. Американский советолог Р.Кемпбелл разработал даже «общую теорию административной экономики». Р.Гринслейд пришел к выводу о том, что рост советской экономики может быть объяснён и понят лишь в рамках «теории бюрократизма». Ряд советологов рассматривали экономику СССР как одну большую корпорацию. А в 80-е годы в США развернулись дискуссии об «экономике дефицита» (Я.Корнай) и «экономике всеобщего разбалансирования» (Р.Порте, Ван Брабант). Ничего подобного в советской экономической науке не было и не могло быть.

На Западе издано множество работ с анализом «сталинистской модели» советской экономики и предсказаниями ее неизбежного краха. Конечно, советологи не сказали, что этот крах произойдет в 1991 г., более того, они делали прогнозы ее развития до 2000 г., за что потом подверглись жесткой критике, но реалистами они были в значительно большей мере, чем советские экономисты. Ведь им нечего было бояться, они могли говорить и писать то, что думали.

Вот, например, как определяли суть СМЭ американские советологи П.Грегори и Р.Стюарт. По их мнению, эта модель включает такие компоненты, как планирование под партийный диктат; структурные изменения в пользу промышленности (за счет сельского хозяйства), особенно

тяжелой промышленности; урбанизация и гигантомания; государственный контроль за финансами и новая роль госбанка; перераспределение капложений в пользу промышленности и транспорта; монополия внешней торговли. Как видим, ни слова о преимуществах и успехах нового строя, только суть объекта исследования. А в заключение вывод об огромной цене, заплаченной страной за переход к нерыночной и неэффективной модели.

Другой американский советолог, Р.Эриксон, специально исследовал силу и слабости советской экономической системы. К ее сильным сторонам он отнес ясность и четкость целей, концентрацию ресурсов на заданном направлении, четкую управленческую иерархию. Все это давало запланированный эффект на определенном отрезке времени и в рамках заданных простых и ясных для понимания целей. Например, создание тяжелой промышленности, коллективизация, стройки коммунизма, «догнать и перегнать» США. Однако при этом обнаружились такие слабости, как неэффективность производства, отсутствие внутренних стимулов и инициатив, отторжение научно-технического прогресса. Постепенно центр терял контроль за разбухавшей экономикой, и она, в конце концов, развалилась в результате исчерпания своего ресурса, внутренней несрабатываемости.

Анализируя опыт экономического развития СССР, крупный английский советолог А.Ноув пишет, что марксов социализм на деле оказался не научным, а утопическим. Он ошибочно выдвигал идеи создания общества без товарного производства и денег, работающего на основе бюрократической иерархии плановой системы. Опыт СССР показал ее нежизнеспособность, цены выполняли лишь расчетные функции, а сама экономика стала затратной. Попытки перевести ее в русло «рыночного социализма» или соединить государственную собственность с маркетизацией оказались тщетными. «Рыночный социализм на деле оказался химерой, он не может работать в принципе». Сторонников «рыночного социализма» на Западе стали называть «наивными реформаторами».

Такого же мнения придерживается и Я.Корнаи, который в результате своих исследований пришел к выводу о том, что «социалистическая система сама воспроизводит неразрешимые внутренние противоречия и конфликты и ведет себя иррационально». Главный институт Системы, считает Корнаи, – партия и ее аппарат с бюрократическим контролем всего общества, который неэффективен уже по определению. Но эта неэффективность частично компенсировалась мессианской идеологией и пропагандой. Марксистская идеология укрепляла социализм подобно тому, как капитализм укрепляла протестантская религия. В системе централизованного планирования автор четко прослеживает следующие приоритеты: инвестиционных товаров над неинвестиционными, отечественных изделий над импортными, производственной сферы над непроизводственной, I подразделения над II подразделением, промышленности над сельским хозяйством, тяжелой промышленности над лёгкой, военного производства над невоенным, нового строительства над ремонтом, всего крупного над малым, важных продуктов над неважными, экстенсивного результата над интенсивным и т.д. Автор забыл ещё сослаться на известную «теорию» ведущих звеньев, воплощавшуюся в каждом советском плане и ставшую обоснованием для сознательного формирования диспропорций и дисбалансов в экономике, а также искусственного стимулирования темпов роста на экстенсивной основе и любой ценой. В результате в советской экономике образовалась такая уродливая структура, которая немыслима в условиях рыночной экономики. Западные советологи давно поняли, что централизованное планирование в принципе не соответствует потребностям современного экономического роста (термин С.Кузнецца) и повышения эффективности производства. Известный американский советолог А.Гершенкрон, например, писал, что темпы и пропорции воспроизводства в социалистических странах устанавливались «не на экономической, а на плановой основе», тогда как только рыночный механизм спроса и предложения «образует эффективную систему контроля и корректировки». Без такого механизма установление

реальной сбалансированности и пропорциональности в экономике попросту невозможно.

Лауреат Нобелевской премии американский экономист российского происхождения С.Кузнец рассматривал социалистическое накопление с его высокими темпами как феномен «насильственного роста на основе искусственно создаваемых диспропорций». В частности, постоянным фактором социалистического воспроизводства он считал «недопотребление населения» и предупреждал: «Политика высоких темпов роста чревата опасными последствиями, взрывом антагонистических противоречий в социалистическом обществе».

Многие западные экономисты справедливо подчёркивали, что распределение производственных ресурсов в социалистической экономике подчинено принципу «все для будущего». «Поскольку целью является максимальный рост, — писал известный американский советолог А.Бергсон, — плановики предпочитают настоящее будущему, потребление — накоплению». При этом процесс накопления в стране базируется на субъективистском произволе, а «использование ресурсов в СССР вообще не соответствует абстрактным теоретическим принципам». К тому же само накопление искусственно ориентируется на увеличение производства средств производства, или на всемерное поддержание высоких темпов экономического роста. А.Бергсон одним из первых на Западе вскрыл наличие реального, хотя и скрытого, инфляционного процесса в СССР, в частности, на примере продукции машиностроения. В это время советские экономисты не могли себе позволить не только говорить, но и думать на эту тему.

Такова была реальность советской экономики, отдельные стороны которой критиковались советскими экономистами (если вообще критиковались) лишь фрагментарно, по частям, без обобщений и выводов о несостоятельности всей Системы. Я уже не говорю о ненаучности и полной утопичности главной цели достижения коммунизма — распределения по потребностям. Этот нонсенс не опровергал ни один советский экономист.

Большинство из нас хотело усовершенствовать реальный социализм, не понимая, что он не реформируем по сути. Ещё раз повторю: увы, среди нас не было своих Сахаровых.

Второе важное направление исследований западной советологии – это собственные оценки основных макроэкономических показателей и тенденций экономического развития СССР.

Уже до войны на Западе стало ясно, что бóльшая часть советской экономической статистики (за исключением, например, темпов роста сельского хозяйства и транспортных перевозок) сознательно фальсифицируется. По существу, западная советология сформировала альтернативную статистическую базу по советской экономике.

К сожалению, приходится признать, что все прежние работы советских экономистов базировались на искаженной официальной статистике и, следовательно, несут на себе печать фальсификации. Правда, даже на базе официальной статистики можно было делать достаточно убийственные для СМЭ выводы, но этого никто из советских экономистов до периода перестройки так и не сделал. Советологам в каком-то смысле было намного проще: они свободно оперировали неофициальными данными. Но чтобы их получить, пришлось потратить целые десятилетия упорного и весьма кропотливого труда.

В 50-е годы на Западе стало формироваться следующее мнение о советской экономической статистике: 1) из советской экономической статистики заслуживают доверия лишь некоторые данные (например, выпуск продукции в натуральном выражении, грузооборот транспорта, индекс сельскохозяйственного производства); 2) советская официальная статистика строилась по принципу двойного стандарта – достоверные, но секретные данные предоставляются руководству страны, а недостоверные, приукрашивающие ситуацию в стране, предназначены для публики, публикации и пропаганды. Второй пункт впоследствии не подтвердился жизнью.

В начале 50-х годов западные и, прежде всего, американские советологи (А.Бергсон, А.Гершенкрон, Г.Гроссман, Н.Ясный и др.) провели обширную серию исследований, результаты которых широко обсуждались на многочисленных семинарах и конференциях, вызвавших серьёзный резонанс в обществе и правительственных кругах. Всё это подогревалось разгоравшейся «холодной войной», борьбой «двух систем» и т.д.

Западные советологи пришли в своём большинстве к выводу и о том, что, несмотря на все недостатки и фальсификации, содержащиеся в советских официальных данных, ими пренебрегать никак нельзя. Более того, без них просто не обойтись при любых альтернативных оценках более или менее реальных показателей развития экономики СССР. Наиболее надёжной частью открытых советских данных было признано считать данные о производстве продукции в натуральном выражении.

Тем не менее и официальные данные о производстве продукции в натуральном выражении требовали весьма внимательного подхода. Так, в результате широко распространённой на советских предприятиях практики приписок объёмы производства в ряде случаев серьёзно искусственно завышались. Классическим примером может служить производство хлопка в Средней Азии, особенно в Узбекистане, отчётный объём которого безбожно преувеличивался (почти на 1 млн. т. в год).

В других случаях производство тех или иных продуктов в натуральном выражении в СССР завышалось по сравнению с данными западной статистики по методологическим и концептуальным причинам. Классическим примером последнего являются данные о производстве и потреблении мяса и зерна в СССР. В данные по мясу ЦСУ СССР включало вес костей и голяя, чего на Западе не принято делать, а данные об урожаях зерна ЦСУ СССР в течение долгого времени исчисляло на базе так называемого сначала вида на урожай, затем бункерного веса, т.е. с учётом влаги и засоренности. На Западе принято учитывать урожай по высушенному, очищенному и готовому к употреблению зерну. В этом

смысле пересчёты западными советологами советских данных в натуральном выражении были нормальным и полезным деянием, своего рода примером и для советских экономистов.

Однако самые важные и значительные из всех западных оценок альтернативных темпов экономического роста СССР содержатся в работах Управления по изучению Советского Союза (Office of Soviet Analysis) американского ЦРУ.

ЦРУ не только шпионило, собирало секретную информацию, но и проводило серьезные научные исследования на базе обобщения и анализа материалов открытой, вполне доступной печати или опросов общественного мнения. В этом управлении было собрано много квалифицированных специалистов по советской экономике, статистиков-профессионалов, использовавших современную вычислительную технику, единую систему и методику расчетов, единые концепции. Управление располагало обширной библиотекой, где было собрано много советских книг, журналов и специальной информации по советской экономике.

В послевоенные годы, по оценкам Блока, соотношение между ВВП СССР и США постепенно увеличивалось в пользу СССР в результате нашего превосходства по темпам экономического роста. Этот процесс он проследил до 1975 г., т.е. до резкого снижения темпов экономического роста в СССР. Так, в 1950 г. указанное соотношение составило 33%, в 1960 г. – 40, в 1970 – 49 и в 1975 г. – 53%.

Начиная с 60-х гг. западные советологи все возрастающее внимание стали уделять не только сравнению объемных макроэкономических показателей СССР и США, но и сравнению показателей эффективности производства (производительности труда, фондоотдачи, факторной производительности и т.д.), что в СССР делалось лишь частично (как правило, только производительности труда). Главный источник неэффективности советской экономики проф. Бергсон, например, видел в отсутствии трудовой мотивации. Он писал, что исторически одна из причин

превосходства США над Западной Европой по эффективности производства заключалась в более высокой мотивации к производительному труду, заставляющей американского рабочего более прилежно и заинтересованно трудиться. А в СССР общественная собственность на деле не привела к увеличению степени заинтересованности работника в своем труде. Он считал, что социализм не создал собственных рычагов повышения эффективности труда и производства. И все попытки ослабить уравниловку в области оплаты труда, увеличить ее дифференциацию, повысить долю сдельной оплаты в противовес повременной и т.д. не дали, да и не могли дать результатов. В свою очередь советское государство не заботилось о психологии, культуре труда, оно заботилось прежде всего о контроле над рабочей силой, ее образовании, лояльности и т.д. Практически, писал проф. Бергсон, советские рабочие, как рабочие не ориентируемые свободно, не были заинтересованы ни в зарплате, ни в научно-техническом прогрессе. Директора же советских предприятий стремились лишь к выполнению и перевыполнению планов и к удачному рапортованию.

Сейчас делать такие выводы стало обычным делом в России. А в 60-е годы советские экономисты в своем большинстве так не думали, да и не могли думать (тем более публиковать). Советологи же пришли к этим выводам сами, и, надо сказать, своевременно, не в последнюю очередь на базе изучения фактов, черпаемых из советской экономической литературы и своих статистических сопоставлений.

В 1981 г. ЦРУ провело фундаментальный анализ и сравнение потребления населения в СССР и США и пришло к выводу, что в расчете на душу населения потребление населения в СССР в 1976 г. составило 34,4% от уровня США. Эта цифра стала объектом детальной проверки и острой критики со стороны И.Бирмана (американский советолог, эмигрант из СССР, позже вернувшийся на родину). Хотя последний сам и не проводил собственных прямых сопоставлений потребления населения в СССР и США, он весьма тщательно прошёлся по расчётам ЦРУ и сделал ряд поправок на

различия в качестве товаров и услуг, их доступность для потребителя, на различия в товарном ассортименте в обеих странах и т.д. В результате этих поправок, соотношение, полученное ЦРУ по душевому потреблению мяса и рыбы в СССР и США, было уменьшено, например, вдвое (!), соотношение по потреблению молока на 7%, овощей и фруктов на 20%, безалкогольных напитков, табака и обуви тоже вдвое и т.д. В целом Бирман уменьшил общее соотношение душевого потребления в СССР и США с 34,4 до 22,4%. Это послужило началом политических обвинений в адрес ЦРУ по вопросам международных экономических сопоставлений прежде всего со стороны Минобороны США и ряда конгрессменов.

Как уже говорилось, начиная с 70-х годов главную роль в области сопоставлений экономики СССР и США стало играть ЦРУ, в оценках которого постепенно тоже стали складываться соответствующие стереотипы. ЦРУ регулярно давало свои оценки соотношения ВВП СССР и США. Минимальное соотношение (40%) было определено им за 1955 г., максимальное (62%) – за 1975 г. За 1989 г. это соотношение было равно 51%. С 1975 по 1989 гг. (за 14 лет) оно было снижено на 11 процентных пунктов. Тем не менее обращает на себя внимание определенный стереотип в цифрах: за 1965 г. оценки, произведенные в разные годы, давали соотношения в рамках 44-50%, за 1975 г. – в рамках 56-62%, за 1985 г. – 52-55%. Нечто подобное было и в расчетах ЦСУ СССР.

В 80-е годы параллельно с работой ЦРУ стала разворачиваться Программа международных сопоставлений ВВП разных стран под эгидой ООН. И хотя СССР не участвовал в этом проекте вплоть до 1990 г., ООН оценила объем ВВП СССР за 1965 г. в размере 41,5% от уровня США. За 1973 г. ООН получила соотношение этого показателя уже в 45%.

В 1994 г. Европейская экономическая комиссия ООН опубликовала результаты сравнения ВВП СССР и США за 1990 г., в котором СССР уже официально принял участие. Все расчеты проводились не напрямую с США, а через Австрию. Методология расчётов, проводимых в рамках Программы

международных сопоставлений ООН, основывалась на репрезентативной выборке товаров-представителей с корректировкой цен на различия в качестве сравниваемых товаров. Оптимальным считался набор из 600-800 потребительских товаров и услуг, 200-300 видов машин и оборудования и 10-20 строительных объектов-представителей.

В результате этих сопоставлений оказалось, что душевой ВВП СССР составил в 1990 г. 34% от уровня США. Учитывая, что население СССР в то время составляло 289 млн. человек против 250 млн. человек в США, можно заключить, что по общему объему ВВП уровень СССР составлял около 40% от уровня США. Это соотношение оказалось значительно меньше прежних оценок ООН и ЦРУ, хотя и оно, несомненно, завышено.

ЦРУ тоже стало пересматривать свои прежние оценки, и на слушания в Конгрессе в 1990 г. представило новую оценку – 35%, заметив при этом, что и она может быть завышена на 10%. Известный шведский советолог А.Ослунд считал, что душевой ВВП СССР в 1986 г. равнялся 33% от уровня США, что означает, что соотношение двух стран по ВВП в целом составляло 38%. Исследование, проведенное Мировым банком, определило душевой ВВП СССР за 1980г. в размере 37% от американского уровня. Это значит, что соотношение ВВП в целом составило 43%. По мнению американского советолога Р.Эриксона, ВВП СССР в 1989 и 1990 гг. был равен 1/3 от ВВП США.

В целом надо признать, что западная советология внесла свой ценный вклад в формирование более реалистичного понимания сути и конкретных процессов развития советской экономики и СМЭ. Поэтому именно она, а не советская экономическая наука, заслуживает награды за проделанную работу.

Оценка источника

Помимо того, что данная статья даёт реалистичное представление о советской экономике в различные периоды (по оценкам ЦРУ) и о вкладе советологов ЦРУ в развитие экономической теории и практики анализа, наиболее понравившимся моментом следует назвать и то, что статья указывает на следующее, о чём упорно не желают говорить аналитики последних лет: при так называемой «оттепели» был произведён отход от принципов социализма, фактически прекратилось правление «старой гвардии», финалом расправы над которой было дело антипартийной группы 1957 г. Произошло наиболее уродливое проявление «конвергенции». Превращение партийно-государственной элиты в частнокапиталистическую группировку. Когда Хрущев протолкнул в 1957 г. план реорганизации промышленности, создавая более чем 100 региональных экономических советов, чтобы ослабить власть московских министерств при принятии решений на местах на уровне предприятий промышленности и строительства, оценки ЦРУ были решительно отрицательны. Согласно оценкам, реорганизация не обещала реальной передачи принятия экономических решений из центра на места и ее эффект на промышленный рост будет незначительным. В частности, реформа не изменила способ принятия решений в сфере распределения ресурсов. Тремя годами позже в другом отчете (август 1961) отмечалась неразрешимая проблема советских плановиков, поскольку им приходилось выбирать между принципами отраслевой и территориальной организации: никакая система не была способна "охватить одновременно и с равной эффективностью как ведомственные, так и региональные интересы". Почти такая же история была в сельском хозяйстве. Один из документов (август 1963) установил, что невозможно обнаружить никакого значимого улучшения эффективности, независимо от того, куда поворачиваются события: к более централизованному или же более децентрализованному управлению.

Следующим крупным шагом в развитии экономических реформ была программа премьер-министра Алексея Косыгина в 1965 г. Она дала несколько большую власть предприятиям и пересмотрела показатели, по которым оценивалась работа предприятия, с увеличением акцента на прибыль и окупаемость капиталовложений. Реформа призвала также к пересмотру в оптовых ценах и разрешила предприятиям накапливать фонды для премий и инвестиций. Ранняя оценка программы (май 1966 г.) сводилась к тому, что предложения были "слишком робкими" и что их результаты спрогнозированы "заранее" - небольшие положительные и отрицательные эффекты. Короче говоря, "новая система не может работать, пока действие старой остается в полной силе". Однако, подчеркивалось расстояние, пройденное советской экономической мыслью после эпохи Сталина. Были внесены элементы, противоречащие марксистской теории ценности - плата за использование земли и капитала и др.

Важный вывод по статье – то, что подлинно плановая, система народнохозяйственного расчета в 1929-1953 гг. поднимала экономику СССР. И не случайно её частично приняли на вооружение крупные капиталистические страны – Франция, Италия, Япония. Псевдо-плановая, система "хозрасчета предприятия" со второй половины 1950-х гг. подрывала советское народное хозяйство. Модифицированная в 1985-1987 гг. моделью "самофинансирования", хозрасчетная система сбросила прежние формы маскировки и быстро проявила себя последствиями, свойственными для *частнокапиталистической*. Именно она окончательно разрушила и экономический базис, и политическую надстройку Советского Союза.

Но системное падение продолжилось и после, ибо частнокапиталистическая система сразу и целиком оказалась под влиянием иностранного корпоративного капитала, вследствие чего выродилась в *компрадорскую*. Плановая система, демонтированная во второй половине 1950-х гг., ни разу не испытывала ни малейшего кризиса. Напротив, она

оградила советскую экономику от всякого воздействия циклических кризисов зарубежного капитализма.

Системный кризис возник с введением в 1965-1967 гг. "полного хозрасчета" и принял открытую форму сразу после перехода в 1985-1987 гг. к "самофинансированию" и "договорным" ценам.

Если следовать не мифам, а фактам, то вполне понятно, в чем причина такого кризиса. И "полный хозрасчет", и "самофинансирование", и рыночные предприятия - все это модификации одной и той же системы децентрализованного, частнохозяйственного типа, без вертикальной интеграции промышленного капитала. Дальше депрессии такого рода система вести не может. Вперед современный мир движет система не либерального и домонополистического, а государственно-корпоративного капитализма.

Публикация развенчивает и другие мифы:

1. "Санитарный кордон" в 1920-е гг., "железный занавес" в послевоенное время устанавливались не Советским Союзом, а против Советского Союза. Что же касается внешнеэкономической политики СССР, то в период, когда она была преимущественно независимой (до импорта пшеницы), главной ее целью было содействие индустриальному развитию стран "третьего мира". В отличие от США, СССР не сдерживал, а поддерживал интернациональный технологический обмен. Сейчас Советского Союза нет. Но США все так же используют политику технологического эмбарго.
2. *О конвертируемости рубля.* В своей работе по исчислению паритетной покупательной способности рубля и доллара ЦРУ, как хорошо показывает Дж. Норен, руководствовались более корректными постулатами. И рубль был конвертируемым в доллар, необходимо одно простое базовое условие: чтобы товары российского производства свободно замещали - по технологическому уровню, качеству и цене - товары американского производства на всем пространстве мирового товарообмена.

Общий вывод и заключение

Данную статью читать стоит, чтобы получить подлинное представление и об экономической теории, и о политэкономии, и о принципах сопоставления в мировой экономики, и о ряде политических мифов. Лейтмотивом являются следующие выводы по работе.

«Первый и главный: в мире нет ни одной многонациональной страны, которой удалось бы сохранить территориальную целостность в условиях господства частного капитала.

Причина очевидна: частный капитал быстро принимает этнические, религиозные и даже расистские формы, которые вступают в кровавую конкурентную войну одна с другой за передел сфер влияния.

Действительность камня на камне не оставляет от голословных и бездумных утверждений, будто Октябрь 1917 г. прервал преемственность развития России. "Особый" путь становления капитализма в дореволюционной России объясняется выбором между государственно-территориальной целостностью, ассоциируемой с самодержавием, и формами капиталистических отношений. К 1917 г. выбора не стало, да он и не мог быть бесконечным. Сложившийся после Октябрьской революции Советский Союз нашел верную форму сохранения и упрочения единства народов и народностей - общее национализированное хозяйство.

Когда господствует национализированный, этнически обезличенный капитал, тогда народам и народностям делить нечего, ибо все достояние, начиная с земли, становится всеобщим и не является предметом передела. И сегодня положить конец кровавому переделу разом может только национализация земли и важнейших промышленных предприятий, объектов и сооружений.

Денационализация не для России. Мировой рынок безжалостно избавляется не только от неконкурентоспособных товаров, но и от

неконкурентоспособных стран. С точки зрения исторического процесса, у приватизированной России, которой грозит раскол на враждующие зоны этнического капитализма, не может быть ни перспективы развития, ни даже перспективы сохранения».

Таким образом, мы видим, что советский период не был ни политической, ни экономической пустотой в истории страны, это было её закономерное продолжение. В то же время откат от принципов социализма и не имеющий политической или экономической почвы переход к капитализму не был необходим. В условиях распада СССР мог возникнуть только капитализм, именуемый «диким», по образу и подобию латиноамериканского, что усилил национально-территориальный фактор.